

Духовный стих о двух братьях Лазарях

(Московск. губ., деревня Садарева)

Жил себе славен и богат человек,
Он раскóчныя ества и богáчы воскушáл,
Дорогие надéвы и богáчы надевал;
Ай перед богатыми перед воротáми,
Ой лежал там Лазарь он весь во гнюó,
Да со божьею пémочию со урóдливою.
Выходил богатой-ат сам за воротá,
Да за ним вся вселénная, свы́шняя раба,
Раба; как будет богатый против Лазаря,
Да закричал Лазарь громким гóлосом:
«Милослívый братец мой, ты богатой человек!
Сошли мне убогому, ты брат, милостину,
А про милость Бога, брат, ты напой, накорми,
Да не я же тебе заплачú, а Господь царь со небес,
Где бы твоей душеньке лучше бы надо быть».
А грозным слóвием богач отказал:
«Да лежишь ты, убог Лазарь,
Да лежишь ты яко гной,
А смёрдныя уста яко лютый пёс.
Да зачем меня брат занарéкл?
А да нет же, не нарекай меня братцем своим:
Есть у меня братья и такóв, как и я сам,
Много есть у братии злата-сéребра,
Вселéного имения и богáтества тьма».
А плюнул богатый, а сам прочь отошёл:
«Я не ба́юся никóво, а ничем ничевó».
Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подстóлию да и хаживали,
А урóнены мёлки крошечки собíравали,
Ко убогому Лазарю прина́шивали,
Да тем его душеньку и пропитывали,
Все скорби и болезни зализывали.
Как будет убог Лазарь сам весь изцелев,

Взирает убогой Лазарь сам на небеса́,
Сотворил молитву он божественную:
«Господи, владыка мой, Спас милосливый!
Ай выслушай, Господи, молитву мою:
А прими́ мою душеньку на хвалы́ ко себе,
Да и так моя душенька помáелася,
Живучи душа моя и на вольным на свету́».

Да сам Господь выслушал молитву его,
Посылает Господь святых ангелов,
Ко убогому к Лазарю по душу по его,
Вынули из Лазаря и душу его,
Честно́ и хвально́, в сахарныя уста,
И положили его душеньку ко Господу,
А добрую ко святому и ко Авраамию ему на зданье¹.
А и малое времечко, всего час изгодя́,
Пришла на богатого и лютая хвороба́,
Вся большая не́мочь, зла уродливая.
Не дошёл богатой-ат и двора́ своего,
Да не звидел богатой-ат ни жены, ни детей,
Дружьёв и много братьёв — все прочь отошли,
Остался богатой-ат один во грехах,
Змолился и богатой-ат сам ко Господу,
Сотворил молитву и божественную:
«Господи и владыка мой, Спас милосливый!
Да выслушай, Господи, молитву мою:
Да прими же мою душеньку на хвалы́ ко себе!
И так моя душенька понежилася,
Живучи́-то-бывучи́ на вольном на свету́».

А сам Господь выслушал молитву его,
Ссылает Господь к нему грозных ангелов,
Ах грозных, страшных, а не милосливых,
Ко богатому Лазарю и по душу его;
Вынули из богатого и душу его,
А не честно́ не хвально́ — скрозь рёбер копьём,
Повознесли душеньку и вельмо́ высоко́,
А сверзли во ту муку во превечную:
«Вот тебе, богатой-ат, а пресветлый твой рай,
По делам по твоим а и мало тебе того».

Мучился богатой-ат день до вéчера,

А не смóжет богатой-ат мýки пертерпеть,
Озрѣл же богатой-ат а из муки-то в рай,
Он óзрил богатой-ат и Абрамья во раю,
А и подле Абрамия братца — и — Лазаря.
Как скоро-то он и завидел, громко закричал:
«Милосливой братец мой и убогой Лазáрь!
Не паметáвай, братец мой, грубости моей,
Выступи, родимый мой, из рая ты вон,
Обмочи ты в море, брат, а мизѣнный свой перст,
Окропѣ, родимый мой, смѣрдныя мои уста,
Отиши бы, братец мой, тепимый² огонь,
Всю злую мýку, брат, а превечную,
Ай не дай же мне, проклятому, а всему в огни сгореть».

Отвечал убогой Лазарь братцу и богачу:
Я бы рад бы я выступил: воля не моя,
Теперь не моя воля, и Бóжеская.
Есть ли у тебя, братец мой, злато и сѣребро,
Селѣная³ имения и богáтества тьма?
Тем себе ты и отошишь тепѣмый огонь,
Всю злую муку, брат, а превечную». —
«А еже ты мой братец и убогой ты Лазáрь!
При мне таперича нетути ничего,
Всѣ злато и сѣребро а земля пожрала,
А свѣтная плáтия всѣ тлен восприял,
Дружевныя братия все прочь отошли,
Остался я, братец мой, я единый во грехах». —
«Жили мы с тобою, брат, мы на вольным свету́:
А чтó же ты, братец мой, и не восправлял⁴?
Про милость про Бога, брат, ты не подавал,
И меня ты, убогого, братом не нарекал,
Нищих-убогих ни кормил, ни поил,
А вдовец и сирот, брат, ты не призирал,
Тѣмныя-то темницы ты не посвещал⁵,
На пути на месте ты не находдал,
А и ради ты раю и ночлегу не здавал». —
«Ай милосливый братец мой и убогой Лазáрь!
А что же ты, братец мой, тогды мне не сказал?
Кабы знал я и ведал, а про здешнее про житьѣ,
Про вию злую муку, брат, а превечную,

А всегда бы про милость про Божию а всегда бы подавал,
А тебя я, убогого, братом нарекал,
Нищих и убогих кормил и поил,
А тёмная темница всегда бы освещал,
На пути бы на месте всегда бы находил,
Да и ради бы раю ночлег бы давал».
Скажешь и богатой-ах он не вовремя,
Было и тому времечко, миновалося,
Всё его и богатство оставалося.
А где же святые Ангелы, где лики ликуют,
А и ликуют Ангелы, а не на земли,
А и царствуют праведные и на небесах,
А во век славу и Лазареву,
Мы славу его поём,
По век на век его слава не минуется,
И веки веков, аминь.

(Дюдюк.)

Калеки переходные: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, Москва, Ч. 1. — 1861.

1 Сдали с рук на руки.

2 Топимый, горящий; произношение вместо кипимый.

3 Вселенная.

4 Не делал по правде?

5 Не посещал.